

О.М. Монахова, М.В. Малхазова

«Приличьем стянутые маски...» Мотив трагедии поколения

<...>

«Железным стихом, облитым горечью и злостью» воспринимается стихотворение «Дума». В нем разрыв в цепи поколений, трагедия утраченного лица, бессмысленной, впустую прожитой жизни выражены Лермонтовым открыто и непосредственно. Он сознательно избегает аллегорий и символов: поэт говорит, «сняв маску», «сдернув забрало».

Прежде всего, в «Думе» важно определить позицию автора. Посмотрите, в стихотворении «1-е января» герой находится в маскарадной толпе, внутренне противостоя ей. Точно так же и в «Думе» лирический герой не исключает себя из поколения. Напротив, обвиняя современников, он обвиняет прежде всего себя: «Жизнь уж нас томит», «Мы вянем без борьбы», «Мы иссушили ум»... И все же взгляд поэта на поколение как бы одновременно и изнутри, и извне — обратите внимание на первую строку: «Я гляжу на наше поколенье». Так взглянуть на поколение можно, лишь поднявшись над ним! Сама глубина проникновения автора в смысл общей трагедии, страстность и искренность его обличений выводят героя из общей массы, поднимают его над «толпой угрюмою». Сложность авторской позиции определяет особый трагический пафос стихотворения, ибо поэт чувствует на себе всю горечь и справедливость собственных обличений.

Поколенье, обреченное жить в безвременье, лишенное поля деятельности — инертно. Все накопленные знания лишь губят людей: ибо познание ради самого познания — абсурдно. Единственное, что смогли перенять эти люди от отцов — их ошибки:

Богаты мы, едва из колыбели
Ошибками отцов и поздним их умом...

Страх, внедренный в русское общество Николаем I, основывался на последекабрьских репрессиях. От отцов, предавших идеалы верности дружбе, «вольности святой», поколенье Лермонтова взяло лишь страх перед властью, покорность, духовное рабство.

Вслушаемся в интонацию Лермонтова. Стихотворение написано тоном бесстрастной констатации — оно подчеркнуто лишено эмоциональных всплесков. И это многократно усиливает степень его воздействия на читателя! Атмосфера безнадежности нагнетается и горькой авторской иронией, и эпитетами, подчеркивающими пассивность современников: их жизнь — «ровный путь без цели», их чувства никак не обоснованы: «И ненавидим мы, и любим мы случайно...»

С общим холодно-насмешливым тоном резко контрастируют живые, горячие обличения поэта:

Перед опасностью позорно малодушны,
И перед властью — презренные рабы.

Поколенье не исполнило своего исторического назначения, оно ничего не дало родине и миру. Его вина непростительна. Лишенный корней не принесет плодов — что может дать эта «угрюмая толпа» своим детям?! И потому оно не достойно в памяти людской ничего, кроме горькой насмешки «обманутого сына над промотавшимся отцом».

Страшный, трагический образ «обанкротившегося» поколения создан Лермонтовым. Но, быть может, только Тургенев в романе «Отцы и дети» постиг всю глубину исторического и философского откровения лермонтовской «Думы».